

Н. Н. ЧЕБОКСАРОВ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАРОДОВ УГРОФИНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ГРУППЫ *

1

Вопросы этногенеза, издавна интересовавшие как историков, так и лингвистов, приобрели особо актуальное научное значение и идейно-политическую остроту в наши дни, когда во всем мире происходит национальная консолидация разнообразных по языку и культуре народов, одни из которых успешно строят коммунизм в СССР, другие закладывают основы социализма в странах народной демократии, третьи борются за независимость и освобождение от гнета империалистов США в буржуазных государствах и колониях. Хорошее знание истории формирования отдельных народов и их групп, говорящих на родственных языках, помогает борьбе прогрессивных сил человечества за суверенитет всех больших и малых наций, способствует разоблачению реакционных домыслов идеологов империализма о создании в настоящее время какой-то единой «мировой» культуры по американскому образцу. Активно участвуя в этой борьбе, передовые ученые Советского Союза и зарубежных стран — этнографы и антропологи в том числе, — опираются на методологию марксизма-ленинизма, на гениальные работы И. В. Сталина по национальному вопросу и языкознанию, на его известное положение о том, что «каждая нация, — все равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает ее»¹. Каждый, кто изучает этническую историю тех или иных народов, хорошо знает, какую большую роль играет в этой истории их культурная самобытность, часто проходящая красной нитью через все время их существования с глубокой древности до наших дней².

Проблема происхождения угрофиннов занимает, вне всякого сомнения, очень видное место среди вопросов этнической истории народов СССР и соседних стран, Венгрии и Финляндии в первую очередь. Проблема эта находилась в центре внимания исследователей различных национальностей — русских, венгерских, финских, эстонских и др. — на всем протяжении развития таких отраслей науки, как языкознание, этнография, археология, этническая антропология, историческая география. Не угасала, начиная с конца XVIII в., и идейная борьба вокруг коренных вопросов угрофинского этногенеза, постоянно использовавшихся для

* Доклад на совещании по методологии этногенетических исследований, 2 ноября 1951.

¹ Речь товарища И. В. Сталина на обеде в честь Финляндской Правительственной Делегации 7 апреля 1948 г., «Большевик», 1948, № 7, стр. 2.

² Более подробно о разработке проблем этногенеза в трудах советских этнографов и антропологов см.: С. А. Токарев и Н. Н. Чебоксаров, Методология этногенетических исследований на материале этнографии в свете работ И. В. Сталина по вопросам языкознания, «Советская этнография», 1951, № 4, стр. 7—26; Г. Ф. Дебеев, М. Г. Левин и Т. А. Трофимова, Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза (публикуется выше).

обоснования тех или иных концепций общелингвистического и общесторического характера.

Одним из первых историков, заинтересовавшихся этими вопросами, был В. Н. Татищев, который, отдавая обычную для его времени дань Геродоту, производил всю семью финских народов от сарматов и пытался найти соответствие между древними и современными этническими группами населения севера Восточной Европы; так, например, геродотовских аримаспов Татищев отождествлял с удмуртами, известными в некоторых средневековых памятниках под названием «арян»³. Великий корифей русской науки XVIII в. М. В. Ломоносов также проявил живой интерес к проблеме происхождения угрофиннов, которых он совершенно справедливо связывал с летописной чудью. «Немалое число чудского поколения,— писал Ломоносов,— соединилось со племенем словенским и участие имеет в составлении Российскойского народа»⁴. Древнюю культуру финских народов гениальный русский ученый считал самобытной и достаточно высокой. «Рассуждая о разных племенах, составивших Россию,— подчеркивал он,— никто не может почесть ей это в унижение»⁵. Многие этногенетические соображения Ломоносова, особенно мысли о тесных культурно-исторических связях между финнами и восточными славянами, не потеряли своего значения до настоящего времени. Особо следует отметить его глубокий патриотизм, красной нитью проходящий через всю «Древнюю Российскую Историю», в частности и через три первые ее главы, посвященные вопросам этногенеза и носящие в высшей степени выразительные названия: «О старобытных жителях в России», «О величестве и поколениях словенского народа», «О древности словенского народа». Сведения об угрофинских племенах сосредоточены главным образом в первой из этих глав.

В рамках журнальной статьи нет, конечно, никакой возможности, да и необходимости, останавливаться сколько-нибудь подробно на различных концепциях этногенеза угрофиннов, предложенных русскими и зарубежными учеными XIX—XX вв. Укажу только, что с 20-х годов прошлого столетия над проблемами происхождения народов угрофинской языковой группы усиленно работали финские и венгерские лингвисты. Большую роль в развитии угрофинского сравнительного языкознания сыграл, несомненно, А. Кастрен, изложивший в законченном виде урало-алтайскую теорию этногенеза угрофиннов, согласно которой область их первоначального формирования была расположена к востоку от Урала и находилась в ближайшем соседстве с областью формирования самоедов, входящих вместе с угрофиннами в уральскую языковую семью⁶. Позднее взгляды Кастрена были в значительной степени пересмотрены, и в традиционном «угрофинноведении» получили преобладание другие этногенетические концепции, авторы которых искали «прародину» угрофиннов в Восточной Европе. Венгерский исследователь Б. Мункачи, например, считал, что прародина эта «лежала среди хорошо орошенных долин в лесах к северу от Кавказа»⁷, в то время как соотечественник Мункачи Ж. Синней склонялся к мысли о ее нахождении где-то в области среднего течения Волги⁸. Крупнейшим пороком всех подобных построений было то, что этногенез угрофиннов рассматривался вне всякой связи с историей соседних народов (в частности, славян) и сводился по

³ В. Н. Татищев, История Российская, кн. 1, ч. 1, 1768, стр. 14.

⁴ М. В. Ломоносов, Древняя Российская История, СПб., 1786, стр. 7.

⁵ Там же, стр. 9.

⁶ Многочисленные работы Кастрена сведены в 12-томном издании под редакцией А. Шифнера: M. A. Castren, Nordische Reisen und Forschungen, SPb., 1853—1862.

⁷ Цит. по тезисам В. Н. Чернецова «К вопросу о месте и времени формирования финноугорской этнической группы», Тезисы докладов и выступлений сотрудников Института истории материальной культуры АН СССР, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований, М., 1951, стр. 24.

⁸ Там же.

существо к ряду последовательных языковых дроблений и переселений в пустом пространстве, где до появления угрофинских племен никто будто бы не жил. Племена эти изображались, таким образом, как единственные первоначальные насельники всей лесной полосы Западной Сибири и Восточной Европы от Обь-Енисейского водораздела до Балтийского моря. Самый процесс расселения угрофиннов на указанной огромной территории рисовался почти исключительно на основании лингвистических материалов без достаточного учета археологических, антропологических и этнографических данных, а нередко и в прямом противоречии с ними.

Наибольшее распространение концепции такого рода получили в буржуазной Финляндии, где они в 20—30-х годах нашего века открыто использовались фашистскими элементами для пропаганды бредовой идеи о создании в будущем «великой Финляндии» от Балтики до Урала. Одним из центров этой пропаганды явилось так называемое «Академическое карельское общество», которое ставило перед собой задачу «доказать» единство происхождения всех угрофинских народов, их былую культурную общность и глубокое отличие — этнографическое и антропологическое — от соседних славян. В работах многих финских языковедов и этнографов этого периода — У. Сирелиуса, Т. Итконена, Х. Паасонена, Э. Сетэля, И. Вихман и других — последовательно проводится мысль о существовании не только угрофинской языковой семьи (что не вызывает никаких сомнений), но и особой угрофинской культуры, будто бы свойственной всем народам этой семьи от лопарей до венгров и от эстонцев до хантов⁹. В то же время, не считаясь с фактами, финские ученые всячески стараются обойти молчанием или затушевать огромное сходство между угрофинскими и восточнославянскими народами, ярко выступающее почти во всех элементах материальной и духовной культуры. Следовали за своими финскими коллегами и исследователи буржуазной Эстонии. Так, например, в капитальном труде И. Маннинена «Материальная культура Эстляндии» очень много места уделено этнографическим параллелям между эстонцами и другими угрофиннами, а также между первыми и народами Западной Европы; сравнения же культуры эстонцев и соседних русских в этой книге почти нет¹⁰. В современной Финляндии шовинистические концепции этногенеза продолжают разрабатываться в том же Академическом карельском обществе, возобновившем после войны свою деятельность при явном поощрении проамериканских элементов, связанных с США и пытающихся вбить клин между финнами и народами СССР.

2

Советские ученые — представители различных языковедческих и исторических дисциплин — живо интересовались вопросами происхождения угрофиннов на всем протяжении развития науки в СССР со времени Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Однако в разработке этих вопросов, как и других проблем этногенеза, было допущено много существенных ошибок, связанных главным образом с влиянием так называемого «нового учения» о языке акад. Н. Я. Марра и его последователей. Сам Марр о различных языках угрофинской группы писал очень много, но никакой законченной теории их происхождения не дал, да и не мог, конечно, дать, исходя из своих методологически порочных и противоречащих фактам положений о

⁹ См., например, U. T. Sirelius, Suomen kansanomaista kulttuuria, p. I—II, Helsinki, 1919—1921; T. Itkonen, Suomen sukuiset kansat, Helsinki, 1921, а также сборник «Финское племя» (Suomen Suku, I—II, Helsinki, 1926), в котором приняли участие все перечисленные авторы.

¹⁰ I Manninen, Die Sachkultur Estlands, I—II, Tartu, 1931—1933.

«единстве мирового глоттогонического процесса», о надстроечном классовом характере языка, о его «стадиальном» развитии путем взрывов, обусловленных скрещеннями, об обязательности яфетической ступени в истории всех языков мира. В соответствии с этими ложными положениями Марр, как известно, утверждал, что «доисторические племена, следовательно, по речи все те же яфетиды, одинаково сидят в русских Костромской губернии, как и финнах, равно и в приволжских тюрках, получивших вместе с финнами доисторическое праурало-алтайское рождение из яфетической семьи, разумеется, более раннее, чем индоевропейцы получили из той же доисторической этнической среды свое праиндоевропейское оформление...»¹¹. Таким образом, выходило, что угрофинские по языку народы, как и все другие народы Восточной Европы и Западной Сибири (да и всего мира), возникли путем трансформации первобытных яфетических племен в местах их коренного обитания. Когда, где и почему произошла эта внезапная трансформация, Марр объяснить не мог, для обоснования же ее возможности прибегал к пресловутому «анализу по четырем элементам», представляющему собой псевдонаучную лингвистическую эквилибристику и заслуженно сопоставленному И. В. Сталиным с гадиным с гадином на кофейной гуще¹².

К сожалению, аракчеевский режим, долгое время господствовавший в советском языкознании, и крикливые «антирасистские» фразы последователей Марра привели к тому, что многие исследователи, работавшие над проблемой происхождения угрофиннов, некритически восприняли марровскую концепцию их этногенеза (если вообще здесь можно говорить о «концепции») и даже старались всеми способами втиснуть в ее узкие рамки свои фактические материалы, которые лишь с большим трудом поддавались этой искусственной и насильственной операции.

Ряд ошибок, возникших под влиянием концепции Н. Я. Марра, был допущен и в моих работах, посвященных вопросам этнической антропологии и этногенеза народов угрофинской языковой группы. Так, в одной из статей 1936 г., разоблачая реакционность и фактическую несостоятельность антинаучных «теорий» о существовании расовой общности всех угрофиннов, я пытался их несомненную антропологическую смешанность объяснить с позиций Марра, считавшего, что все современные языковые «системы» (т. е. семьи) образовались на широких территориях в процессе непрерывных скрещений племен, говоривших первоначально на яфетических языках¹³. В более поздней работе о происхождении коми я избежал, правда, толкования этногенеза этого народа в духе Н. Я. Марра, но лишь в очень малой степени использовал конкретные данные о языке коми, без которых нельзя всесторонне осветить и их этническую историю¹⁴. Здесь сказался, несомненно, своего рода «запрет», тяготевший в годы аракчеевского режима в языкознании над всеми лингвистическими материалами, не прошедшими через препарирование их последователями Марра. Неправильную позицию я занял по некоторым вопросам также в полемике с Д. В. Бубрихом о задачах изучения угрофинских народов. Мираж пресловутой яфетической стадии заставил меня, ссылаясь на Марра, упрекать Д. В. Бубриха в недооценке «архаических» связей между народами Волго-Камья, Кавказа и Средиземноморья и даже призывать его к более широкому использованию трудов создателя мнимо-марксистского «нового учения» о языке¹⁵.

¹¹ Н. Я. Марр, Приволжские и соседние с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий, Избранные работы, т. V, стр. 306.

¹² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 33.

¹³ Н. Н. Чебоксаров, Из истории светлых расовых типов Евразии, «Антропол. журн.», 1936, № 2, стр. 193—227.

¹⁴ Н. Н. Чебоксаров, Этногенез коми по данным антропологии, «Советская этнография», 1946, № 2, стр. 51—80.

¹⁵ Н. Н. Чебоксаров, Некоторые вопросы изучения финноугорских народов в СССР, «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 176—185; его же, Еще раз о не-

Критика взглядов Д. В. Бубриха на вопросы происхождения угрофинских народов велась мною с позиций Н. Я. Марра — о ведущей роли скрещений в процессе этногенеза и о позднем образовании современных языковых семей, которые будто бы развились на основе повсеместно распространенной в прошлом яфетической речи¹⁶. Аналогичные ошибки были допущены в работах, так или иначе связанных с вопросами этногенеза угрофиннов, и другими советскими антропологами, в частности Г. Ф. Дебецем¹⁷ и Т. А. Трофимовой¹⁸. Корни этих ошибок заключаются и здесь главным образом в принятии «на веру», без необходимой критической проверки многих положений Н. Я. Марра, который, несмотря на внешнюю «материалистичность» и даже «революционность» его «учения», по сути дела всегда оставался «лишь упрощателем и вулгаризатором марксизма, вроде «пролеткультовцев» или «рапповцев»¹⁹.

К каким нелепостям может привести идеалистический четырехэлементный анализ Н. Я. Марра в вопросах происхождения народов угрофинской языковой группы, показывает книга Н. И. Шишкина «Коми-пермяки», вышедшая в 1947 г.²⁰ и получившая на страницах «Советской этнографии», к сожалению, слишком мягкую, недостаточно принципиальную оценку²¹. Автор этой книги, слепо подражая Н. Я. Марру в крайне произвольных приемах анализа племенных названий, приходит к выводу, что народ коми сложился в результате скрещений нескольких самостоятельных этнических элементов: северо-восточного «пер», связанного с Печорой, западного «емь», тяготевшего к низовьям Вычегды, юго-восточного «коми», распространившегося из бассейна Камы, и, наконец, юго-западного «ису» или «йоз», проникшего на север с Вятки. Все эти этнонимы рассматриваются как «тотемные названия племен» (?); название «пермь» или «перемь» расшифровывается как двухэлементное скрещение (пер + емь), а название «коми» сопоставляется с именем зырянского божества «Куль»²². Таким образом, получается совершенно фантастическая картина связей и скрещений, к которым оканчиваются причастными самые различные племена от какой-то группы скифов (?) до прибалтийско-финской еми, столь милой сердцу сторонников идеи великой Финляндии от Балтики до Урала. От дальнейшего разбора псевдонаучных домыслов Н. И. Шишкина нас, к счастью, избавляет то, что домыслы эти уже получили в советской научной литературе должную оценку со стороны Д. В. Бубриха и И. П. Шаскольского, показавших, как этимологическая эквилибристика в духе Марра смыкается с этногенетическими построениями реакционных финских ученых²³.

Выход в свет гениальных трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания, открывший новый период в разработке проблем этногенеза вообще, дал в руки советских исследователей различных специальностей,

которых вопросах изучения финноугорских народов, «Советская этнография», 1949, № 2, стр. 197—204.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Г. Ф. Дебец, Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии, «Антропол. журн.», 1932, № 1, стр. 54—73; его же, Палеоантропология СССР, М.—Л., 1948 (особенно гл. IV, стр. 186—291).

¹⁸ Т. А. Трофимова, Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии, М.—Л., 1949; ее же, К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры, «Советская этнография», 1949, № 3, стр. 37—74.

¹⁹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 33.

²⁰ Н. И. Шишкин, Коми-пермяки (Этногеографический очерк). Молотов, 1947.

²¹ См. рецензию В. Н. Белицер, напечатанную в журн. «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 207—209.

²² Н. И. Шишкин, Указ. раб., стр. 5—42; схема на стр. 38—39.

²³ Д. В. Бубрих, Не достаточно ли емских теорий? Изв. Карело-Финского филиала АН СССР, 1950, № 1, стр. 80—92; И. П. Шаскольский, О емской теории Шёгрена и ее последователях, там же, стр. 93—102.

изучающих происхождение народов угрофинской языковой группы, прочную методологическую базу для преодоления прежних ошибок и дальнейшей плодотворной работы. Основная цель настоящей статьи и состоит в том, чтобы показать, как при разработке вопросов этногенеза угрофиннов могут быть использованы конкретные антропологические материалы. Однако, ставя перед собой такую цель, необходимо сразу же оговориться, что автор далек от мысли дать исчерпывающий ответ на все вопросы, которые могут в данном случае возникнуть. Это представляется совершенно невозможным уже потому, что ни антропология, ни этнография в отдельности, ни даже обе эти дисциплины вместе не могут до конца разрешить все проблемы, связанные с происхождением угрофиннов. Необходимо твердо помнить, что само понятие «угрофинны» — это в первую очередь лингвистическое, а не этнографическое и уж тем более не антропологическое понятие. Как культурно-бытовые, так и расовые различия между современными народами угрофинской языковой группы настолько велики, что, если бы мы не знали о языковом родстве этих народов, перед нами никогда не встал бы вопрос о возможности их изучения как какой-то реальной общности, как какой-то этнической совокупности, все члены которой хотя бы отдаленно связаны между собой. Что общего, в самом деле, между хантами и эстонцами или между мадьярами и лопарями, кроме некоторого сходства в языке? Кому пришло бы в голову сравнить культуру этих народов, географически разобщенных и живущих в совершенно различных естественных и исторических условиях, если бы сравнительное языкознание не указывало на их принадлежность к одной языковой семье? Таким образом, проблема происхождения народов угрофинской языковой группы должна быть определена как проблема лингвистическая или, говоря точнее, историко-лингвистическая, поскольку речь идет именно об истории формирования группы языков, связанных реальным генетическим родством. Однако для решения этой историко-лингвистической проблемы, кроме собственно лингвистических материалов, могут и должны быть использованы также данные этнографические и антропологические, раскрывающие перед исследователем культурно-бытовые особенности и расовый состав народов, создавших угрофинские языки. Несомненно, ведь, что «язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»²⁴.

3

Данные этнической антропологии имеют наиболее существенное значение при разработке вопросов, связанных с ранними периодами этногенеза угрофиннов, особенно с периодом первоначального распространения их языков на обширной территории лесной полосы Западной Сибири и Северо-Восточной Европы. Можно смело утверждать, что при освещении процесса освоения людьми этой территории в послеледниковое время ведущая роль должна принадлежать, наряду с археологическими материалами, именно данным об антропологическом составе древнейшего населения рассматриваемой части эйкумены. В свете новейших работ советских антропологов становится все более и более несомненным, что население это уже в IV—III тысячелетиях до н. э. не было однородным в расовом отношении, но состояло из представителей двух больших рас — европеоидов и монголоидов, — постепенно

²⁴ И. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, стр. 22.

смешивавшихся между собой. Так, например, среди скелетов из ранне-неолитического могильника Южного Оленьего острова (на Онежском озере) при общем преобладании европеоидного расового типа, морфологически близкого к кроманьонскому, выделяется несколько особей с концентрированными монголоидными признаками. Описавший эту серию Е. В. Жиров высказал очень правдоподобную мысль о том, что «антропологические особенности людей Южного Оленьего острова возникли в результате метисации высокорослых, весьма широколицых, хамеконных европеоидов, т. е. кроманьонцев, с более малочисленной монголоидной популяцией»²⁵. Типы смешанного европеоидно-монголоидного происхождения очень ясно выступают также среди черепов из могильника II тысячелетия до н. э., раскопанного А. Я. Брюсовым в местечке Караваиха близ озера Воже (Вологодская область)²⁶. Некоторые из этих черепов обнаруживают черты сходства с современными лапоноидными формами, для которых также характерно сочетание европеоидных и монголоидных особенностей (при очень специфическом общем морфологическом облике). С лапоноидным лицом сближаются, повидимому, и отдельные черепа неолитического периода из Языкова (Калининская область) и Волосова (район Муромы)²⁷. Аналогичные предположения высказывались также относительно черепов из Риннекальна в Латвии относящихся, возможно, к дометаллическому времени²⁸. В самое последнее время, наконец, М. М. Герасимов реконструировал лицо на женском черепе из ранне-неолитической Шигирской стоянки в Зауралье; «лапоноидный» или, точнее, переходный европеоидно-монголоидный облик этого лица выступает очень ярко²⁹.

Таким образом, присутствие монголоидных компонентов в составе неолитического населения лесного севера Восточной Европы и Зауралья можно считать твердо установленным. Компоненты эти на рассматриваемой территории с глубокой древности смешивались с массивными европеоидными типами кроманьонского облика, ярко выраженными, например, среди известных ладожских черепов³⁰ или среди костных находок из различных стоянок Эстонии, относящихся ко II тысячелетию до н. э.³¹ Нет ни малейшего сомнения, что монголоидные и европеоидные типы, принадлежащие к двум различным большим расам, не могли возникнуть одновременно в пределах одной и той же географической области. Учитывая сравнительно позднее заселение людьми лесного европейского севера (в мезолите и раннем неолите), следует предполагать, что как монголоиды, так и европеоиды проникли сюда различными путями в уже сложившемся виде. Монголоиды могли распространиться, очевидно, только с востока, из-за Урала, где в Центральной Азии находилась по всем данным область их формирования. На этот путь указывает и находка на верхнепалеолитической стоянке Афонтова гора II под

²⁵ Е. В. Жиров, Заметки о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова, «Краткие сообщения ИИМК», VI, 1940, стр. 51—54.

²⁶ См. М. М. Герасимов, Основы восстановления лица по черепу, М., 1949 стр. 88—89.

²⁷ О. Н. Бадер, Археологические работы у дер. Языково и на оз. Скорбей летом 1935 г. в связи с вопросом о древнем лапоноидном компоненте в антропологическом типе населения Восточной Европы, «Антропол. журн.», 1936, № 2, стр. 257—262; Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 87.

²⁸ R. Virchow, Archeologische Reise nach Livland, Ztschr. f. Ethnologie Verhandl. d. Berlin. Gesellschaft f. Anthrop., Ethnolog. u. Urgeschichte, 1877; Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 95.

²⁹ Устное сообщение М. М. Герасимова.

³⁰ А. П. Богданов, Человек каменного века (в книге: А. А. Иностранцев, Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера, СПб. 1882); Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 89—90.

³¹ J. Aul, Etude anthropologique des ossements humaines neolitique de Sorst d'Ardu, Tartu, 1935 (оттиск); Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР стр. 90—92.

Красноярском детского черепа с резко выраженными монголоидными чертами³². Каких пределов достигли монголоиды на западе, сказать трудно, однако некоторые данные по палеантропологии Восточной Германии позволяют предполагать, что волны древнейших переселений из Азии могли докатываться до Центральной Европы³³. Пути проникновения на лесной север европеоидов были, надо думать, гораздо короче; начало этих путей лежало, вероятно, в Северном Причерноморье, где типы кроманьонского облика по данным палеантропологии прослеживаются по крайней мере с мезолитического времени³⁴. Возможно также, что смешение между монголоидами и европеоидами уже в период неолита (если не раньше) происходило не только в Восточной Европе, но и в Западной Сибири, где европеоидные формы могли сосредотачиваться в более южных степных районах, а монголоидные — в более северных лесных³⁵. На правдоподобность такого допущения указывает как будто и морфологически переходный облик шигирского черепа, свидетельствующий о древности межрасового смешения в Зауралье.

Новейшие работы советских археологов прекрасно подтверждают почти все выводы о путях первоначального заселения лесной полосы Восточной Европы, сделанные на основании данных палеантропологии. А. Я. Брюсов, например, пишет: «В противовес гипотезе о заселении этой полосы с запада изучение материала приводит к выводу о расселении населения по этой полосе с востока, повидимому, из Среднего Урала. Хронологическое исследование уральских стоянок позволяет утверждать, что древнейшие культурные слои Шигирского торфяника следует датировать V—IV тысячелетиями до н. э., а может быть, и более ранним временем. В III—II тысячелетиях до н. э. наблюдается новая волна расселения по северу Европейской части СССР, исходящая в основном из волго-окского междуречья. Об этом свидетельствуют многие северные стоянки того времени, дающие типичный инвентарь, характерный для волго-окских неолитических культур»³⁶. Восточные насельники нашего лесного севера в расовом отношении, как мы видели, относились к монголоидам или во всяком случае включали монголоидные элементы. Племена, распространившиеся к северу из Волго-Окского междуречья, были антропологически неоднородными; значительную роль в их составе играли, однако, европеоидные типы, первоначально связанные, повидимому, с Северным Причерноморьем³⁷. О языках этих древнейших групп населения Северо-Восточной Европы и Западной Сибири в нашем распоряжении нет, конечно, никаких непосредственных данных. Домыслы Марра и его последователей о повсеместном распространении в прошлом яфетидов и о последующем «перерождении» их в угрофиннов (или тюрков, индоевропейцев и т. д.), конечно, никого не удовлетворяют. Зато вполне законной представляется мысль о принадлежности языков первоначальных насельников лесного севера, освоен-

³² Г. Ф. Дебец, Фрагмент лобной кости человека из культурного слоя стоянки «Афонтова гора II» под Красноярском, «Бюлл. комиссии по изучению четвертичного периода», 1946, № 8, стр. 73—76.

³³ Н. Н. Чебоксаров, Монголоидные элементы в населении Центральной Европы, Ученые записки Моск. гос. ун-та, вып. 63, 1941, стр. 249—252 (о монголоидных черепах мезолитического периода с берегов Притцерберского озера в Мекленбурге).

³⁴ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 43—45 (скелеты мезолитического периода из Крыма).

³⁵ Там же, карта на стр. 294.

³⁶ А. Я. Брюсов, Заселение севера Европейской части СССР в неолитическую эпоху, Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК АН СССР, подготовленные к совещанию по методологии этногенетических исследований, М., 1951, стр. 23.

³⁷ Европеоидными являются, например, два черепа из Володарской неолитической стоянки Горьковской области (см. Т. А. Трофимова, Антропологические материалы к вопросу о происхождении чувашей, «Советская этнография», 1950, № 3, стр. 56).

ного людьми только в IV—II тысячелетиях до н. э., к крупным языковым семьям, существующим и в настоящее время. Мысль эта опирается на положение И. В. Сталина о том, что «элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства»³⁸.

Учитывая все изложенные соображения, естественно предположить, что языки человеческих коллективов, проникавших на север Европейской части СССР с востока (антропологически преимущественно монголоидных), были родственны языкам позднейших народов Западной Сибири, т. е. могли принадлежать, по крайней мере частично, к уральской (угрофинно-самоедской) группе, в то время как языки коллективов, продвигавшихся с юга (антропологически главным образом европеоидных), относились скорее к индоевропейской семье, само существование которой в III—II тысячелетиях до н. э. вряд ли может вызвать какие-либо сомнения³⁹. Подобные же передвижения, сопровождавшиеся, вероятно, скрещиваниями языков и поглощением более слабых из них более сильными, происходили в Восточной Европе и позднее. Об этом с большой убедительностью свидетельствуют опять-таки палеоантропологические данные, относящиеся к бронзовому и железному векам. Так, например, в середине II тысячелетия до н. э. в Среднее Поволжье с юга проникают племена кочевников-скотоводов, принадлежавшие антропологически к относительно узколицым европеоидам восточно-средиземноморского типа⁴⁰. В период ананьинской культуры VII—II вв. до н. э. в Прикамье распространяется новая волна монголоидных элементов, связанная с переселением из-за Урала каких-то племен, входивших, вероятно, в угрофинскую языковую семью⁴¹. Средневековые краниологические серии, этническая принадлежность которых в большинстве случаев не вызывает уже сомнений; свидетельствуют о сложности антропологического состава угрофинских народов в это время. Достаточно отчетливо среди них выделяются три основные группы антропологических типов: переходная монголоидно-европеоидная, сосредоточенная главным образом в Волго-Камье и лишь частично на крайнем востоке Прибалтики (у берегов Финского залива), широколистая европеоидная, распространенная на обширной территории от берегов Балтийского моря до Среднего Поволжья (в общем западнее и отчасти южнее первой группы), и узколицая европеоидная, тяготеющая преимущественно к югу Волго-Окской области⁴². Характерными представителями первой группы являются, например, черепа из Поломского могильника IX в. (Кировская область)⁴³, второй — ижорские черепа из могильника XIII—XIV вв. под Гатчиной⁴⁴, третьей — черепа из финских могильников VIII—X вв. по реке Цне⁴⁵. Данные обо всех этих кранио-

³⁸ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

³⁹ Б. В. Горнунг, К постановке вопроса об исторической общности индоевропейских языков, «Изв. АН СССР, Отд. литературы и языка», IX, 5, 1950, стр. 337—350; его же, О некоторых вопросах, связанных с образованием и развитием индоевропейской семьи языков, Тезисы докладов научных сотрудников Ин-та языкознания на объединенной сессии Ин-та этнографии, Ин-та истории материальной культуры, Ин-та истории и Ин-та языкознания АН СССР, М., 1951.

⁴⁰ Т. А. Трофимова, Антропологические материалы к вопросу о происхождении чувашей, стр. 57—61.

⁴¹ Т. А. Трофимова, Антропологический тип населения ананьинской культуры в Приуралье, «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1940, стр. 42—47.

⁴² Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 214—248; В. В. Седов, Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода, рукопись, 1951; Н. Н. Чебоксаров, Ильменские поозеры, Труды Института этнографии, новая серия, т. I, М.—Л., 1947, стр. 264—267.

⁴³ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 215—217.

⁴⁴ Е. В. Жиров, Древние ижорские черепа, «Советская археология», II, 1937, стр. 151—160.

⁴⁵ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 229—230 (см. также таблицы 94 и 95).

логических сериях допускают уже сопоставление с материалами о современном населении соответствующих районов Европейской части СССР.

Данные об антропологическом составе современного населения должны использоваться при разработке вопросов этногенеза с большой осторожностью, так как состав этот, во многих случаях окончательно сформировавшийся только на протяжении последних двух-трех столетий, в значительной степени отражает исторические процессы недавнего времени, не имеющие прямого отношения к происхождению отдельных народов или, тем более, их больших групп, говорящих на родственных языках. Так, например, антропологическое изучение колвинских ненцев, живущих в Усть-Усинском районе Коми АССР, показывает, что они представляют собой типично смешанную группу, в состав которой вошли более темные монголоидные и более светлые европеоидные компоненты. Отсюда, казалось бы, можно сделать вывод о древности расового смешения в бассейне Нижней Печоры и о большой роли его в истории антропологического состава ненецкого народа. Гипотеза эта, однако, рассыпается в прах, как только исследователь начинает знакомиться с историей формирования самих колвинских ненцев, сложившихся в особую этническую группу, оказывается, лишь в 30-х годах прошлого века, когда на реке Колве православными миссионерами был основан поселок, население которого составилось из переселенных сюда молодых ижемских женщин и ненецких мужчин из Большеземельской тундры⁴⁶. Было бы все же ошибкой думать, что материалы по этнической антропологии современного населения вовсе не могут быть использованы при решении этногенетических проблем. Напротив, такое использование вполне возможно и даже необходимо, если только исследователь не теряет исторической перспективы и всегда старается выяснить конкретную хронологию и географическую локализацию прослеживаемых им процессов формирования тех или иных антропологических типов. С этих позиций должны мы, конечно, подходить и к анализу антропологического состава современных народов угрофинской языковой группы.

Новейшие работы по этнической антропологии Восточной Европы и Западной Сибири, принадлежащие главным образом советским ученым, ясно показывают, что в состав этих народов входят по крайней мере три группы антропологических типов. Первая из них, часто фигурирующая в специальной научной литературе под названием «уральской»⁴⁷, по многим признакам занимает промежуточное положение между монголоидами и европеоидами. Для нее характерно сочетание мягких, но прямых, большей частью черных или темнорусых волос, ослабленного по европейским масштабам третичного волосяного покрова, карих или смешанных глаз, несколько уплощенного, часто низкого лица, сильно развитой складки верхнего века, спорадического эпикантуса, средневысокого переносья, вогнутой спинки носа, тенденции к проехилии. Наиболее отчетливо специфические особенности уральской группы типов среди угрофиннов выступают у большинства хантов и манси⁴⁸. В менее резкой форме особенности эти прослежи-

⁴⁶ Н. Н. Чебоксаров, *Этногенез коми по данным антропологии*, «Советская этнография», 1946, № 2, стр. 72.

⁴⁷ Термин этот впервые предложен В. В. Бунаком в его статье «Антропологический тип черемис» («Русск. антропол. журн.», т. XIII, вып. 3—4, 1924, стр. 137—177). В моей работе «Основные принципы антропологических классификаций» (сборник «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Труды Ин-та этнографии, новая серия, т. XVI, М.—Л., 1951) выделена особая «уральская группа» антропологических типов, занимающая промежуточное положение между европеоидами и монголоидами (стр. 317).

⁴⁸ С. И. Руденко, *Антропологическое исследование инородцев северо-западной Сибири*, Записки Академии Наук по физ.-мат. отд., т. XXXIII, № 3, П., 1914; Т. А. Трофимова и Н. Н. Чебоксаров, *Антропологическое изучение манси*, «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1940, стр. 28—37.

ваются среди удмуртов и мари⁴⁹, а также в отдельных группах мордвы⁵⁰ и коми (в верховьях Камы, на Иньве, Сыsole и верхней Мезени)⁵¹. В составе уральской группы имеются как относительно длинноголовые, так и относительно короткоголовые варианты; к последним принадлежит, в частности, так называемый «лапоноидный» тип — крайне низкорослый и низколицый, — характерный для саамов (лопарей), но встречающийся и среди соседних с ними северных карел⁵². За пределами угрофинской языковой семьи различные типы уральской группы широко распространены среди ненцев и селькупов⁵³, тобольских и барабинских татар⁵⁴, шорцев, алтайцев и хакасов⁵⁵, а также среди башкир⁵⁶, татар Поволжья⁵⁷ и чувашей⁵⁸. «Лапоноидные» и близкие к ним «сублапоноидные» элементы вошли в состав русского населения севера Европейской части СССР⁵⁹.

Вторая группа антропологических типов, обычная среди народов угрофинской языковой семьи — «беломорско-балтийская»⁶⁰, — принадлежит к европеоидной большой расе, но обнаруживает некоторые особенности, указывающие на вхождение в ее состав незначительной древнемонголоидной примеси⁶¹. Для этой группы характерно сочетание мягких, прямых или слегка волнистых волос, русых или белокурых по окраске, умеренно развитого третичного волосяного покрова, светлых глаз, небольшого по абсолютным размерам лица, средне профилированного в горизонтальном сечении, довольно ясно выраженной складки верхнего века, средневысокого переносья, вогнутой или прямой спинки носа. Различные типы рассматриваемой группы, как более короткоголовые, так и более длинноголовые, наиболее широко распространены среди прибалтийско-финских народов — эстонцев⁶², ливов⁶³, вепсов⁶⁴,

⁴⁹ В. В. Бунак, Антропологический тип черемис; П. И. Зенкевич, Характеристика восточных финнов, Ученые записки Моск. гос. ун-та, вып. 63, 1941.

⁵⁰ В. В. Бунак, Антропологический тип мордвы, «Русск. антропол. журн.», т. XIII, вып. 3—4, 1924, стр. 178—210.

⁵¹ Н. Н. Чебоксаров, Этногенез коми по данным антропологии (см. сводную таблицу, стр. 74—75).

⁵² Д. А. Золотарев, Кольские лопари, Л., 1927; его же, Карелы СССР, Л., 1930; Г. Ф. Дебец, «Неприветливые» и «радушные», «Антропол. журн.», 1933, № 1—2, стр. 234—237.

⁵³ С. И. Руденко, Указ. раб.; С. А. Шлугер, Антропологическое исследование ненцев, «Краткие сообщения о научных работах Ин-та и Музея антропологии МГУ», М., 1941, стр. 23—26; Г. Ф. Дебец, Селькупы (антропологический очерк), Труды Ин-та этнографии, новая серия, т. II, М.—Л., 1947, стр. 103—146.

⁵⁴ Т. А. Трофимова, Тобольские и барабинские татары, Труды Ин-та этнографии, новая серия, т. I, М.—Л., 1947, стр. 194—215.

⁵⁵ А. И. Ярхо, Алтае-сайские тюрки, Антропологический очерк, Абакан, 1948.

⁵⁶ С. И. Руденко, Башкиры, Опыт этнографической монографии, ч. I, Физический тип башкир, П., 1916.

⁵⁷ Т. А. Трофимова, Этногенез татар Среднего Поволжья в свете данных антропологии, «Советская этнография», 1946, № 3, стр. 51—74; ее же, Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии, М.—Л., 1949.

⁵⁸ Т. А. Трофимова, Антропологические материалы к вопросу о происхождении чувашей.

⁵⁹ Н. Н. Чебоксаров, Русские севера Европейской части СССР, «Краткие сообщения о работе Ин-та и Музея антропологии МГУ», 1941, стр. 65—66.

⁶⁰ Н. Н. Чебоксаров, Из истории светлых расовых типов Евразии, «Антропол. журн.», 1936, № 2, стр. 193—227; его же, Ильменские поозеры, стр. 247—253.

⁶¹ Н. Н. Чебоксаров, Основные принципы антропологических классификаций, Сборник «Происхождение человека и древнее расселение человечества», М., 1951, стр. 316.

⁶² J. Aul, Anthropologische Forschungen in Eesti, Tartu, 1935.

⁶³ J. Vilde, Materiali par Libiesu antropologiju, Latvijas Univers, Raksti, 1924, II, стр. 93—181.

⁶⁴ Г. Ф. Дебец, Вепсы, Ученые записки Моск. гос. ун-та, вып. 63, 1941, стр. 139—174.

карел⁶⁵ и финнов-суоми⁶⁶, а также среди удорских, ижемских и вычегодских коми⁶⁷ и лукояновской мордвы-эрзи⁶⁸. В большом количестве беломорско-балтийские компоненты входят, кроме того, в состав латышей и литовцев⁶⁹, поляков, белоруссов и северных великоруссов⁷⁰. Таким образом, беломорско-балтийская группа вполне «оправдывает» свое название: составляющие ее типы действительно тяготеют к Белому и Балтийскому морям.

Третья группа типов, играющая известную роль в антропологическом составе народов угрофинской семьи, в предложенной мной классификации названа «атланта-черноморской»⁷¹. Группа эта, как и предыдущая, относится к европеоидной большой расе и занимает по пигментации промежуточное положение между ее основными подразделениями: индо-средиземноморскими брюнетами и североευропейскими (балтийскими) блондинами⁷². Для всех атланта-черноморских типов характерны такие признаки, как темные, большей частью широковолнистые или прямые волосы, значительное развитие третичного волосяного покрова, карие или смешанные глаза, узкое, обычно удлиненное лицо, сильно профилированное в горизонтальном сечении, слабо развитая складка верхнего века, высокое или среднее по высоте переносе, прямая или слегка выпуклая спинка носа. Географически атланта-черноморские типы распадаются на две подгруппы: западную или атлантическую и восточную или черноморскую (иначе «понтийскую»). В настоящей работе нас интересует главным образом последняя подгруппа, элементы которой отчетливо выступают в составе некоторых угрофинских групп; ивдельских манси Свердловской и Молотовской областей⁷³, иньвенских коми-пермяков⁷⁴, ижевских удмуртов⁷⁵ и особенно нарвчатской мордвы-мокши⁷⁶. Специфические черты атланта-черноморских типов во всех перечисленных группах сочетаются с мезокефалией или умеренной брахикефалией. Аналогичная комбинация антропологических признаков наблюдается также во многих группах южных великоруссов⁷⁷ и поволжских татар⁷⁸, а также некоторых народов Балканского полуострова и Северо-западного Кавказа, как, на-

⁶⁵ Д. А. Золотарев, Карелы СССР, Л., 1930; T. Y. Roschier, Anthropologische Untersuchungen an Bewohner der Landschaft Karjala, Acta Inst. Anat. Univers (Helsinki), IV, 1931.

⁶⁶ Y. Kajaava, Die anthropologischen Untersuchungen des finnischen Volkes, Anthr. Anz., 1925, N 2; A. O. Archo, Anthropologische Untersuchungen in den Landschaften Aland und Varsinais-Suomi, Acta Inst. Anat. Univers (Helsinki), VI, 1936.

⁶⁷ Н. Н. Чебоксаров, Этногенез коми по данным антропологии.

⁶⁸ Г. Ф. Дебец, Антропологический очерк бывш. Лукояновского уезда, Ученые записки Моск. гос. ун-та, вып. 63, Антропология, М., 1941.

⁶⁹ M. Hesch, Letten, Litauer, Weissrussen, Wien, 1933; N. Jerums u. T. M. Vittols, Beiträge zur Anthropologie der Letten, Latvijas Univers, Raksti, 1928, XVIII, стр. 279—342.

⁷⁰ Обзор основных данных по этим народам см. в моей статье «Ильменские озера».— Н. Ч.

⁷¹ Там же, стр. 258—264.

⁷² Н. Н. Чебоксаров, Основные принципы антропологических классификаций, стр. 312.

⁷³ Т. А. Трофимова и Н. Н. Чебоксаров, Антропологическое изучение манси, «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1940, стр. 28—37.

⁷⁴ М. А. Гремяцкий, Антропологический тип иньвенских коми (пермяков). Ученые записки Моск. гос. ун-та, вып. 63, 1941; Н. Н. Чебоксаров, Этногенез коми по данным антропологии, стр. 57—58.

⁷⁵ П. И. Зенкевич, Характеристика восточных финнов.

⁷⁶ Г. Ф. Дебец, Так называемый «восточный великорусс», «Антропол. журн.», 1933, № 1—2, стр. 34—69.

⁷⁷ Там же

⁷⁸ Т. А. Трофимова, Этногенез татар. Поволжья в свете данных антропологии, ч. III, стр. 117—249.

пример, пловдивских болгар⁷⁹ или адыге⁸⁰. Более короткоголовые варианты той же группы типов, известные в антропологической литературе под названием «альпийских» и «динарских», играют большую роль в расовом составе венгров и соседних с ними народов Центральной Европы, говорящих на славянских и германских языках⁸¹. Тяготение всех атланти-черноморских антропологических типов к югу, к бассейнам Средиземного и Черного морей совершенно очевидно.

4

Что же все-таки дают реально изложенные выше материалы по этнической антропологии народов угрофинской языковой группы для понимания процессов их этногенеза? Первый вывод, к которому приводит анализ этих материалов, — вывод о глубокой и очень древней антропологической смешанности угрофиннов, исключаяющей всякую мысль об их расовом единстве даже в далеком прошлом. Если принять, однако, вслед за большинством современных советских лингвистов, тезис о развитии всех угрофинских языков из одного корня — древнего языка-основы⁸², — то необходимо будет допустить существование в какую-то историческую эпоху реальной этнической общности людей, создавших этот язык-основу. Трудно представить себе, что такая общность, занимавшая, конечно, вполне определенную, географически ограниченную территорию, могла быть антропологически столь же разнородной, как современные народы угрофинской семьи. Гораздо более вероятно, что рассматриваемая общность включала в свой состав только одну из трех групп антропологических типов, описанных на предыдущих страницах. Но какую же именно? — вправе мы сейчас же поставить вопрос. Об атланти-черноморской группе здесь вряд ли можно говорить, так как она для народов угрофинской семьи явно не характерна и сосредотачивается только на южных окраинах области их расселения. Основной ареал этой группы типов лежит в таких странах Причерноморья и Западной Европы, где угрофиннов, очевидно, никогда не было. Трудно представить себе, что древние угрофинны первоначально принадлежали к атланти-черноморской группе, позднее же почти полностью «сменили» свои антропологические типы на уральские и беломоро-балтийские. Что касается двух других рассмотренных групп — беломоро-балтийской и уральской, — то «преимущество» в нашем вопросе оказывается скорее на стороне второй, поскольку первая, хотя и очень широко распространена среди угрофиннов (точнее, среди финнов), но не менее обычна и в составе других восточно- и центрально-европейских народов — славянских, балтийских (летто-литовских) и германских. По своему происхождению группа эта связана с берегами Балтийского и Белого морей, где вряд ли могла лежать область формирования угрофинской языковой семьи. Уральская же группа, не являясь также специфичной для угрофиннов, все же наиболее характерна именно для них или для народов, которые с ними были генетически связаны (селькупы, ненцы, частично также шорцы, алтайцы и хакасы). Складывались типы уральской группы, вероятно, в Приуралье и Запад-

⁷⁹ J. Dronschilow, Beiträge zur Anthropologie der Bulgaren, Arch. f. Anthropologie, Neue Folge, XIV, 1915.

⁸⁰ В. И. Левин, Этно-географическое распределение некоторых расовых признаков у населения Северного Кавказа, «Антропол. журн.», 1932, № 2, стр. 84—88.

⁸¹ L. Bartucz, Ein Abriss der Rassengeschichte in Ungarn, Ztschr. f. Rassenkunde, I, 1935, стр. 225—239; Н. Н. Чебоксаров, Антропологический состав современных немцев, Ученые записки Моск. гос. ун-та, вып. 63, 1941, стр. 271—308.

⁸² См., например, Б. В. Горнунг, В. Д. Левин и В. Н. Сидоров, Проблема образования и развития языковых семей, Тезисы докладов научных сотрудников Института языкознания на объединенной сессии Ин-та этнографии, Ин-та истории материальной культуры, Ин-та истории и Ин-та языкознания АН СССР, М., 1951.

ной Сибири, т. е. как раз там, где многие лингвисты ищут зону образования угрофинских языков.

Мысль об «уральской» антропологической основе угрофиннов уже высказывалась В. В. Бунаком⁸³. Необходимо, однако, подчеркнуть, что само понятие о «расовом прототипе» мало подходит к уральской группе, которая, как мы видим, является отнюдь не первичной расой, но целой совокупностью близких антропологических комплексов, сложившихся в процессе смешения между монголоидами и европеоидами. Смешение это, начавшееся, повидимому, еще в конце палеолита, предшествовало бесспорно выделению исходной угрофинской этнической общности, которая с самого начала должна была включать как монголоидные, так и европеидные расовые компоненты, с течением времени все более и более переплетавшиеся между собой. Поскольку археологические материалы указывают на заселение севера Европейской части СССР с востока только в период мезолита и раннего неолита, можно предполагать, что смешение между обеими большими расами первоначально развернулось за Уралом, где и лежала, скорее всего, область формирования древнейшей угрофинской этнической общности. Вполне законен вопрос о возможной связи этой общности с шигирской культурой, носители которой были, вероятно, антропологически уже неоднородными. Наличие в составе угрофиннов тех же уральских антропологических типов, что и в составе енисцев, селькупов, сибирских татар, шорцев, части алтайцев и хакасов, является отражением глубоких этногенетических связей между всеми этими народами. Следует думать, что в прошлом они говорили на близко родственных языках, впоследствии частично исчезнувших. Так антропологические материалы подводят нас вплотную к целому ряду важнейших проблем этнической истории угрофиннов и других народов Западной Сибири и Алтае-Саянского нагорья.

Не менее интересные этногенетические проблемы встают при сравнительном анализе антропологического состава угрофинских и соседних с ними народов Восточной Европы. С какими этническими общностями, возникает вопрос, были первоначально связаны широко распространенные здесь типы беломорско-балтийской группы, где и когда они формировались? Считать, что к угрофиннам типы эти проникли в период средневекового контакта со славянами, балтийцами (летто-литовцами) или германцами, совершенно невозможно, так как подобная гипотеза неизбежно привела бы к абсурдному выводу о позднем переходе на финскую речь целых групп населения, говоривших на языках индоевропейской семьи. Пришлось бы, например, допустить, что предки эстонцев, карел или вепсов, принадлежащих антропологически к беломорско-балтийской группе, первоначально были индоевропейцами! Более правдоподобно предположение о том, что формирование в Восточной Европе беломорско-балтийских типов и распространение здесь с востока угрофинской речи происходили одновременно в процессе освоения людьми на заре неолита обширной территории лесного севера, сравнительно недавно освободившейся от ледникового покрова. Переселявшиеся из-за Урала древнейшие угрофинские группы, антропологически уже смешанные, по мере продвижения на запад впитывали все большее и большее количество европеидных компонентов, просачивавшихся в лесную полосу с юга. На каких языках говорили эти европеиды, мы не знаем, так как их языки, повидимому, были поглощены речью более многочисленных угрофиннов. Заслуживает внимания во всяком случае гипотеза многих специалистов по угрофинскому языкознанию о том, что предки прибалтийско-фин-

⁸³ В. В. Бунак, Антропологический тип черемис; ср. также В. В. Бунак, Neues Material zur Aussonderung anthropologischer Typen unter der Bevölkerung Osteuropas, Ztschr. f. Morphol. u. Anthropol., XXX, 1932, стр. 441—503.

ских народов (а также лопарей) первоначально говорили на языках, не принадлежавших к угрофинской семье, и лишь впоследствии усвоили угрофинскую речь, внося в нее некоторые своеобразные фонетические особенности⁸⁴. Весьма вероятно, таким образом, что задолго до начала расселения по северу Восточной Европы славянских племен жившие здесь угрофинны уже включали в свой состав крайне депигментированные типы беломорско-балтийской группы, ставшие среди них не менее распространенными, чем типы уральские. Недаром сложилась у более темных русских легенда о «чуди белоглазой», ушедшей в землю.

Совсем иной была, несомненно, история проникновения к угрофиннам антропологических типов атланти-черноморской группы. В этом случае можно действительно говорить о внедрении в угрофинскую этническую среду каких-то племен, связанных по своему происхождению с арало-каспийскими или причерноморскими степями, которые до первых веков н. э. были населены, как известно, различными ирано-язычными народами, принадлежавшими в антропологическом отношении к умеренно депигментированным европеоидам понтийского типа. Не случайно, конечно, наиболее отчетливо относительно темные антропологические компоненты атланти-черноморского облика выражены у мордвы-мокши — самой южной этнической группы угрофиннов. Для выяснения конкретных причин и путей проникновения этих компонентов к различным народам угрофинской языковой семьи должны быть привлечены не только антропологические, но и историко-этнографические данные, анализу которых автор намерен посвятить следующий очерк по вопросам угрофинского этногенеза.

⁸⁴ Д. В. Бубрих, Финноугорские языки Европы, (рукопись), 1949.